

народится на самом гребне коммунистической волны. Мессиязм Русского коммунизма («единственно подлинного» в глазах масс советской молодежи) уже выдвигает из себя все черты национализма. Имперализм и злобный шовинизм — таковы злободневные настроения нового поколения России. Пусть это званка национализма. Она тем не менее чревата последствиями. Коммунистическая власть расковала стихию, с которой она уже теперь справляется с трудом. В своем устремлении к «мировому пожару» она поощряла пробуждавшийся национализм. Однако, с того дня, в который Красная Армия переживает свой Валми, темпы национальной революции станут стремительными. Все освободительные усилия, все виды недовольства и неудовлетворения сойдутся с новыми национальными настроениями в нашей нации и образуют единый психологический процесс. Этот процесс и будет торжеством Русской Национальной Революции.

Роль эмиграции становится особенно ответственной. К моменту развязки она должна представлять собою определенную силу. Только при этом условии международное общественное мнение и иностранные правительства будут считаться с Русской эмиграцией. От активности эмиграции зависит ее политическая судьба так же, как и ее правовое положение. Для простого самосохранения, как и для успешного участия в Русской

Национальной Революции, эмигранты должны понять свою роль и проникнуться сознанием своей ответственности. Наступают времена, когда надо будет выдержать ртущее испытание. Горе тому, кто его не выдержит.

Эмиграция должна отбросить уже бессмысленных и безплодных попыток замкнуться в себе. Она исторически и практически будет оправдана лишь постольку она будет представлять подлинную Россию и содействовать ей. Она должна прежде всего осмыслить и оформлять внутренние процессы. Бурная и стремительная жизнь современной России выковывает волю нации. По эту сторону рубежа должна выявляться мысль нации, сегодня еще придавленная и стесненная тисками коммунизма. Здесь должны готовиться борцы за отечественные идеи, за осознанные цели. Здесь должна вестись кипучая работа. Здешние темпы должны быть столь же лихорадочны, как и темпы пятилетия. Эмиграция должна быть одновременно и лабораторией Русской национальной мысли, и фабрикой революционных борцов, и штабом национальной революции. Она еще далека от этого. Но, еще не все потеряно. Необходимо срочно создавать материальную базу для такой работы. Это общее дело и общий долг. В такое время оставаться обывателем значит превращаться в дезертира.

Младороссы.

Сущность монархии и республики

Вопрос о государственном строе в России после коммунистического господства, некоторым кажется вопросом второстепенным и, во всяком случае, не подлежащим «предпринятию». Те, которые держатся такого взгляда любят называть себя «непредпринимателями». Не касаясь спорной целесообразности «непредпринимательства» при любой революционной борьбе с любым государственным строем, можно опровергнуть самое суждение «непредпринимателей» о монархии и республике. И, действительно, «непредприниматели» безразлично относятся к монархии и республике главным образом потому, что считают их формами правления. В этом и коренится их заблуждение.

Разумеется вопрос формы правления — вопрос второстепенный. Гораздо важнее и существеннее самое содержание государственности. Содержание государственности создает ту или иную гражданскую этику, ту или иную общественную мораль. Если бы монархия и республика были основаны на одном и том же этическом принципе, то есть, если бы содержание, заключенное в них, как в форму было одним и тем же, — можно было бы считать, что вопрос о монархии и республике есть лишь вопрос формы.

Однако, самое поверхностное рассмотрение идеалов монархии и идеалов республики — то есть содержания — приводит к логически неизбежному выводу, что природа монархии совершенно отлична от природы республики. Монархическая идея подчинена идеалу нравственному. В основу ее заложен закон этического, иррационального порядка. Республиканская идея подчинена идеалу умственному. В ее основу положен закон разумного, рационального порядка. Поэтому, если монархия и республика в их внешнем выявлении и могут быть признаны формами, то монархия есть форма религиозного начала в государственности, тогда, как республика есть форма рационалистического начала в государственности. Такова сущность монархии и республики так сказать классического типа. Те или иные отклонения

от общего правила в зависимости от исторических эпох или национальных черт того или иного народа этого правила не опровергают.

Если, вскольз коснуться судьбы монархического принципа в тот период истории, который принято называть «новейшей историей», то нельзя не согласиться с положением современных республиканцев, указывающих на последовательное и прогрессивное оживание этого принципа. Судьба монархического принципа была теснейшим образом связана с судьбой религиозного начала в жизни народов. По мере того, как начало рационалистического стало вытеснять начало религиозное, началось и закаты монархии.

Если говорить о монархическом принципе в будущем человечества, то надо отдать себе отчет именно в связи этого принципа с религиозным началом. Поскольку рационалистическое начало само на ущербе в современном мире (что и является главной причиной кризиса республиканских идей), поскольку возрастает значение начала религиозного, — монархический принцип становится принципом будущей государственности.

Во избежание ложного истолкования вышеназванного надо указать, что, когда мы говорим о религиозном начале в государственности, мы не имеем вовсе в виду какого-либо конфессионального выражения этого начала. Под религиозным началом мы в данном случае разумеем ту «первоаксиому», тот бездоказательный почин, ту религиозную презумпцию, принятие которой необходимо для прития всей системы государственности. Это именно то начало, которое заложено в основу всякой религии и, которое отвергается рационалистическими учениями. Так в государственности коммунистической, как и в государственности фашистской господствует начало религиозное, хотя эти типы государственности по самой своей сущности являются антихристианскими. Отношение коммунизма к христианству и ко всякой религии выливается в самую неистовую нетерпимость, хотя сама коммунистическая государственность основана

на определенном религиозном начале (в данном случае религиозное начало воплощается в «нео-языческую» коммунистическую религию). Начало рационалистическое и коммунизм, и фашизм отвергается, несмотря на то, что оба эти движения стремятся к вышней рационализации общественной и хозяйственной жизни. Для них рациональность есть средство, а не вещь в себе. Не основываясь на рациональном начале они и пользуются, как орудием. Можно даже сказать, что коммунизм, как и фашизм родились из протеста против догмы рационализма. Между тем, коммунизм и фашизм (как бы их ни расценивать) являются **самыми передовыми** из всех учений, которые существуют, как политическая реальность. Если рационалистическое начало не вытеснить вновь начала религиозного (чего нельзя предвидеть в близком будущем), то коммунизм, как и фашизм подготовят почву именно для монархии, а не для республики. С таким выводом согласны и многие сторонники республики.

Важно также указать, что нельзя под монархией разуть так называемую конституционную монархию. Конституционная, (точнее: **парламентарная**) монархия есть только одна из форм республики. Монарх в ней — лишь коронованный президент. Противопоставлять такую монархию республике разумеется нельзя. Поэтому, если «непредельность» разумеется под монархией обязательно парламентарную монархию, то они в своей оцке монархии и республики правы. Парламентарная монархия и республика действительно являются лишь разными формами одного и того же государственного строя.

Мы указали на то, что монархический принцип опирается на закон нравственного порядка. Для возникновения и существования монархии нужна этическая предпосылка, в которой республика не нуждается. Республиканская идея питается рационализмом и в чистом своем виде враждебна всякому религиозному началу. В житейской же практике республика часто вынуждена просто обходить религиозное начало и **высунуть этику**. Незначимы с точки зрения республиканской идеи являются лишь те поступки гражданина, которые нарушают интересы или права другого гражданина или всей совокупности граждан. Поскольку свобода совести не есть лишь свобода в исповедании, но и свобода личной этики и личной морали, то опять таки с точки зрения республиканской идеи каждый гражданин имеет право быть **моральным и аморальным**, совершенно так же, как он имеет право быть религиозным и анергическим. Если не прибегать к иностранным словам, то смысл такого определения будет еще рече: гражданин имеет право быть **нравственным**, но он имеет право быть и **безнравственным**.

Надо признать, что, конечно, государство не может брать на себя роль законодателя морали и не может диктовать гражданину его личную этику. Свободная воля человека и его свободный дух нуждаются именно в свободе выбора нравственного пути и эта свобода является необходимым следствием духовной свободы человеческой личности.

И все таки, если государственность пропитана такой идеей, которая провозглашает свой исходить в отношении людей с **совестью и людей без совести** (на точном основании законов, обеспечивающих свободу совести) и признает равенство этих двух категорий людей, то не приходится удивляться тому, что нравственный уровень граждан при такой государственности прогрессивно понижается. Поскольку государственная жизнь, все более влияющая на жизнь отдельных граждан ничем не связана с элементом чело-

веческой совести, самый критерий добра и зла стирается. На практике республика приводит поэтому к прогрессирующему разращению людей, которых она рассматривает, не как **людей**, а исключительно, как **граждан**. Не поддежит сомнению, что республиканская практика совершенствуется гражданами, как таковыми. Однако, гражданственность без человечности остается только формой, оболочкой. Республика совершенствуется оболочкой, придавая ей гибкость и прочность портит в то же время содержимое. В итоге вся вышняя достижение претращаются в папку о двух концах. Гражданин, ставший сознательным, но ставший одновременно и безнравственным направляет свой гражданский опыт во вред общему благу и прежде всего государственному благу, то есть во вред самой *res publica*.

Правонарушения, хищения, всевозможная злоупотребления граждан при республике носят массовый характер. Все становится дозволенным в республике, если вышность сохранена. Общий характер безличности, анонимности самого строя способствует безнаказанности. Честность из естественного явления становится заслугой, вызывающей даже какое то наивное удивление. В наши дни в республиканских странах слова «честный депутат» каждому обывателю кажутся каким то несусальным противоречием, как слова «теплый холод», «сухая вода». Вопрос о том брать ли взятки какой-либо чиновник для того же обывателя даже не возникает: вопрос может ограничиваться лишь тем, как дать взятку и сколько дать. То, что было распространеным явлением при старых монархиях, не только не искоренено, но наоборот стало явлением почти поголовным. И это вовсе не случайность.

Республиканская идея страдает роковым для нее прирожденным пороком. Она считает человека а priori **разумным** и от рождения надлежным тем минимумом гражданских добродетелей, который позволяет ему быть **сознательным гражданином**. Исходя из этого положения республика стремится к равенству граждан и считает возможным добиться его чисто механическим путем: уравнивательным законодательством. Ложность основной предпосылки — рационалистической презумпции — оказывается ахиллесовой пятой республики. Практика республики ршительно опровергает республиканскую идею. Эта идея на деле оказывается искаженной до неузнаваемости даже в **удачных** типах республики. При этом история показывает, что расхождение между идеей и практикой республики всегда неизменно значительное расхождение между идеей и практикой монархии. Другими словами монархия имеет больше шансов быть **удачной**, нежели республика.

С республиканской точки зрения каждый гражданин имеет свободное личное мнение, которое является основой верховной власти. Сама верховная власть составляется из совокупности мнений всех граждан. Так как мнения людей неизбежно противоречивы, то предполагается, что из их столкновения «вырызается» истина. Отсюда самый принцип парламентаризма. Однако, учет отдельных мнений всех граждан, будучи явно невозможным, жизнь потребовала корректива. Коррективным явилось **партийное** начало. В том или ином виде партийное начало существовало всегда и везде. Никогда, однако, оно не принимало столь вышительных и, в то же время, столь уродливых форм, как в парламентарном государстве. Парламентаризм потребовал группировки мнений во разряды, сортам и отрядам, что и привело на практике к многопартийности, развращающей современную демократическую государственность.

Надо замѣтить, что основоположники современных республиканских доктрин отчетливо сознавали гибельность партийности для республики. Так Руссо, проповѣдая принципъ всеобщаго господства гражданъ рѣшительно возражалъ противъ того, чтобы отдѣльные граждане примыкали къ какимъ бы то ни было политическимъ группамъ. Руссо настаивалъ на томъ, чтобы каждый гражданинъ голосовалъ за самого себя. Онъ настаивалъ также на упраздненіи партій, по его мнѣнію, узурирующихъ у гражданина ту часть общенародной воли, которая въ немъ заключена. Теорія Руссо осталась утопией. Практика доказала, что существованіе партій при парламентаризмѣ неизбежно и современные республиканцы уже включаютъ принципъ партийности въ свои ученія. Партийное начало оказалось основнымъ механизмомъ республиканской государственности.

Несостоятельность и губительность республики, какъ разъ въ этомъ. Республика не можетъ жить безъ партій. Поэтому уже она не можетъ не разлагать націю. Примѣры цезаристскихъ республикъ ничего не доказываютъ, да и сами республиканцы избегаютъ ссылаться на эти примѣры. Писсудскій, Кемаль, Пангалосъ, португальскіе диктаторы напорили много крови чистопороднымъ республиканцамъ. Впрочемъ, и въ ихъ цезаристскихъ республикахъ партийность цвѣтѣтъ маховымъ цвѣтомъ, нерѣдко выливаясь въ самый циничный произволъ. Примѣромъ Совѣтскаго Союза также не приходится орудовать, такъ какъ его надо размахотать, какъ совершенно оробѣй видъ республики.

Мы упомянули уже о томъ, почему республика нейтральна по отношенію къ человѣческой совѣсти и указали на то, что послѣдствіемъ этой нейтральности является прогрессивное разращеніе гражданъ. Это разращеніе особенно рѣзко выливается именно въ политическую жизнь, то-есть въ жизнь партій. По мѣртъ того, какъ мѣриломъ поведенія гражданина становятся исключительно его личные интересы, при свободной совѣсти и при свободномъ мнѣніи, этотъ гражданинъ становится безпринципнымъ и свою безпринципность приноситъ въ жизнь партіи. Черезъ партіи гражданинъ стремится къ власти, какъ къ источнику жизни. Безчестность, принимающая катастрофическіе масштабы, характеризуетъ цѣлыя партіи, какъ и отдѣльныхъ людей. Для партийнаго человѣка безнаказанность обезпечена укрывательствомъ партіи, которая не выдаетъ «своего». Парламентарная политика давно утратила характеръ идейныхъ и принципиальныхъ прений о благѣ націи и превратилась въ орудіе матеріальныхъ интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія. Парламентъ сталъ филиаломъ биржи.

Вѣкъ могутъ ежедневно убѣждать въ томъ, что подобная утвержденія не голословны. Примѣровъ можно привести безчисленное множество. Нѣкоторые изъ нихъ констатируютъ вопіюще. Но, они вызываютъ лишь самое поверхностное и преходя-

щее возмущеніе. Характерно, что общественное мнѣніе при республикѣ значительно сплоскоидельнѣе къ провинностямъ видныхъ дѣятелей, чѣмъ при монархіи. Достаточно сравнить процессъ Сухомлинова и его послѣдствія съ тѣмъ, что наблюдается въ республиканскихъ странахъ. Во Франціи, напримеръ, общественное мнѣніе, мирится съ возвращеніемъ къ власти на посты министровъ и предѣлателей комиссій палаты лицъ, судившихся и осужденныхъ за государственную измѣну, которая попала подъ дѣйствіе амнистій. Нашумѣвшее дѣло Устрика, а незадолго до него дѣло Марты Анно и рядъ второстепенныхъ дѣлъ забрызгали имена такихъ людей, какъ бывшій предѣлатель парламента. Чужъ ли не у половини депутатовъ рыльце оказалось въ пуху. Вся французская печать усмотрѣла въ дѣлѣ Устрика настоящій кризисъ режима. А, между тѣмъ, нельзя не признать французскую республику наиболее совершенной изъ всѣхъ европейскихъ республикъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ моральный кризисъ республики принятъ еще болѣе трагической характеръ.

Загадочная смерть бывшаго президента Гардинга, постепенно освѣщавшаяся цѣлою литературой оказалась самымъ чудовищнымъ скандаломъ, какой только знала когда бы то ни была и какая бы то ни было республика. Выяснилось, что Гардингъ, будучи выдвинутъ на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ шайкой аферистовъ, все время правилъ страной (какъ извѣстно полномочія американскихъ президентовъ чрезвычайно широки), находясь подъ контролемъ этой шайки. Когда онъ попытался сопротивляться шантажу его сообщниковъ, они его попросту прикончили. Не менѣе разительны все еще дѣлающій скандалъ американскаго бандализма, превратившаго пресловутыхъ «энгустеровъ» въ камихъ до феодальныхъ царьковъ. Въ Чикаго настоящимъ Соловьемъ - Разбойникомъ за съезъ знаменитый Аль-Капоне, постепенно превратившійся въ угрозу для самого строя Штатовъ. Онъ располагаетъ возможностями, превращающими его въ подлинно государственную силу. Сожительство официальной правительственной иерархіи съ иерархіей, возглавляемой Аль-Капоне не то, что подтачиваетъ, а просто рубитъ устой республики. Моральный кризисъ республиканства особенно тяжелъ именно въ Америкѣ.

XX-ый вѣкъ своей грубой дѣйствительностью развѣнчиваетъ романтическую мечту о республикѣ. Назрѣваютъ новыя идеи. Эти идеи ведутъ къ новымъ формамъ государственности. Проблема Русской государственности въ будущемъ не можетъ быть разрѣшена классической демократической и парламентарной республикой. На смѣну коммунистической государственности можетъ прийти лишь государственность монархическая и при томъ социально-монархическая. Это государственность младороссы и называютъ неомонархической.

Александръ Каземъ-Бекъ.

„Даешь Европу!“

«Толпа подвизитъ вздохъ глубокой
И обретется женскій плачъ,
Когда надуть свирѣло щекъ
Походъ сыграетъ штабъ-трубачъ.»

Легко вонзятся въ небо пики,
Чуть заскрежешутъ стрелена
И кто то двинетъ жестомъ дикимъ
Твой, Россія, племена...»

Такъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ эмигрантскій поэтъ Эйсеръ, возобновляя знаменитую

тему Блока. Тогда, — въ послѣдніе дни Напа — эта тема была почти только литературной. Наступательнаго пафоса нельзя было угадать въ Россіи. Националистическія настроенія старательно затушевывались. Россія собиралась съ силами, боролась за кусокъ хлѣба, торговала, и только у насъ, въ эмиграціи, наше узавленное національное самолюбіе упрямо напоминало намъ о старомъ походѣ на Берлинъ. И видѣнія гвардейскихъ бивуаковъ на парижскихъ площадяхъ были естественной и романтической реакціей на нашу сѣрую и какъ будто устано живущую жизнь.